

СОБЫТИЕ

УДК / UDK 334.021

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОЛЬ БИЗНЕСА В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ»

10 апреля 2019 года

Москва, ул. Мясницкая, 20

В данном материале представлена расшифровка круглого стола «Роль бизнеса в реализации национальных проектов России», организованного Кафедрой теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ в рамках XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. В ходе дискуссии ведущие российские эксперты из различных областей обсуждали задачи, стоящие перед государством и бизнесом, условия участия бизнеса в национальных проектах и факторы их успешной реализации к 2024 году.

Ключевые слова:

Национальные проекты, цифровая экономика, МСП, инвестиции, механизмы поддержки, соглашение о защите и поощрении капиталовложений, СЗПК, реформа контрольно-надзорной деятельности, регуляторная политика, взаимодействие бизнеса и власти, Апрельская конференция.

***Александр Николаевич Шохин,**
Президент НИУ ВШЭ,
Президент РСПП,
Председатель Редсовета
журнала «Бизнес.
Общество. Власть»:*

Уважаемые коллеги! Спасибо, что продолжаете обсуждать проблематику развития экономики и общества.

Апрельская конференция в этом году юбилейная по двум основаниям: во-первых, она проводится в 20-й раз, во-вторых, 7 мая научный руководитель Высшей школы экономики, основатель этого проекта (Апрельской конференции) Евгений Григорьевич Ясин отмечает свое 85-летие.

Мы традиционно проводим круглый стол в рамках Апрельской конференции и посвящаем его проблемам взаимодействия бизнеса и власти, что применительно и к актуальной теме текущего года. В этом году такой актуальной темой является реализация национальных проектов России. Год назад мы не могли обсуждать эту тему, поскольку только месяц спустя появился указ Президента, в котором эти национальные проекты были перечислены. Что-то мы потеряли в перечне проектов, в частности, реформу контрольно-надзорной деятельности, которая была национальным проектом в варианте майского указа 2012 г., однако перестала таковым быть. Тем не менее, судя по сегодняшней пленарной сессии, которая проводилась совместно с вице-премьером Константином Анатольевичем Чуйченко, Правительство РФ радикально настроено на проведение этой реформы, даже более радикально, чем эксперты Высшей школы экономики и РАНХиГС.

Безусловно, дело не в формальном включении или невключении в перечень национальных проектов. Кстати, помимо 12 нац. проектов, под №13 идет Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Мы вправе с Вами обосновать и другие, помимо основных 12, проекты, и отстаивать перед властью, что они являются 13-м, 14-м проектом и т.д. Конечно, дело не в количестве нац. проектов, а в том, что их реализация во многом зависит от того, как будет взаимодействовать власть с бизнесом, с гражданским обществом. Безусловно, один из главных пунктов – это доверие людей, доверие бизнеса к тому, что делает власть, как и за счет каких ресурсов она планирует достигать те цели, которые прописаны как целевые ориентиры национальных проектов. Так, на вчерашней сессии, где обсуждались проблемы развития современной экономики, мы пришли к выводу, что темпы роста – это не некая фетишистская цель. Тем не менее темпы роста будут ниже 3% в год, то трудно будет достигать тех целей, которые прописаны в национальных проектах.

Добиться этого рывка в экономическом росте можно через увеличение инвестиций в основной капитал, причем именно частных инвестиций за счет радикального улучшения делового климата. Может быть, как раз к нашей конференции вдруг начались какие-то либерализационные шаги в действиях правоохранительных властей. В частности, скоро смогут выйти некоторые заключенные под домашний арест

Сегодня мы будем говорить и о национальных проектах, и о деловой среде. Основными докладчиками сегодня являются сотрудники Кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти, Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций. Мы надеемся на

активное участие аудитории, нас по времени ничего не ограничивает.

По ряду причин я бы хотел предоставить первому слово нашему докладчику Леониду Владимировичу Полякову, который хотел бы осветить первый национальный проект «Демография».

Леонид Владимирович Поляков,

профессор кафедры бизнес-аналитики и кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ:

Спасибо, Александр Николаевич! Традиция долго заседать – международная. Я постоянно наблюдаю за тем, что происходит с Брекзитом. И вот как-то насладился зрелищем заседания Палаты лордов до 11 ночи, а потом оказалось, что и Елизавета II тоже не спала и тут же выдала свое согласие.

Мне кажется, что сам по себе президентский указ, содержащий 12 проектов и Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, представляет собой нечто, что одновременно адресуется нас к 2024 году и ориентирует на повседневные проблемы и спорные моменты, решение которых нельзя откладывать.

В проекте «Демография» при первом взгляде я обратил внимание на пару позиций: в качестве целевых показателей в нем указывается увеличение продолжительности здоровой жизни до 67 лет, а дальше предусматривается разработка и реализация программы системной поддержки качества жизни граждан старшего поколения. Это комбинация приводит меня к мысли, что

роль бизнеса, которой посвящен наш круглый стол, может заключаться в поддержке людей предпенсионного возраста.

Пенсионная реформа вызвала вполне предсказуемый, однако, достаточно тревожный социальный эффект. Несмотря на все усилия, в том числе и Президента, который сказал, что ему не нравится эта реформа, тем не менее, это очень серьезная социально-политическая проблема. Многие, наверное, стали считать, сколько они потеряют из-за сдвига выхода на пенсию на 5 лет, когда они могли продолжать работать, и это ощущение потери (лишения дополнительных денег) должно быть компенсировано каким-то образом. На мой взгляд, бизнес (от малого до крупного) в планировании своей деятельности должен со всей ответственностью включиться в решение этой социально-политической задачи. План наладить систему профессиональной переориентации, дополнительной подготовки может быть создан. Однако если со стороны бизнеса не будет встречного шага, если предприниматели не будут заботиться о том, чтобы поддерживать каким-то образом людей в этом зазоре от 50-55 и 60-65 лет за счет предоставления им возможности работать на хорошо оплачиваемых рабочих местах, то это может вызвать неприятный социально-политический, социально-психологический эффект.

Тем не менее, с этой задачей еще не все ясно, так как существует и противоположная необходимость предоставления достойных рабочих мест выпускникам вузов, которые не должны уезжать из страны. В том же указе сказано, что должны быть созданы комфортные условия для молодых специалистов, чтобы они не покидали нашу страну. Мне кажется, что для решения этой проблемы необходимо создавать отдельную институцию для взаимодействия с Правительством и с бизнесом, возможно, даже на базе

Российского союза промышленников и предпринимателей. Пока что мы видим действие лишь кнута, пряника нет: применяется уголовное законодательство в отношении предпринимателей, которые рискнут увольнять сотрудников предпенсионного возраста. Репрессии в меру иногда достигают своих целей, но на фоне того, что сказал Александр Николаевич относительно появившейся либерализации, я думаю, это был бы неправильный тренд. Пугать надо, призывать к порядку надо, но не до смерти.

Александр Николаевич, спасибо большое за возможность высказать свою точку зрения по такой, на мой взгляд, очень острой социальной проблеме.

Шохин А.Н.:

Леонид Владимирович, Вы правильно обратили внимание на некоторые коллизии: с одной стороны, необходимо сохранять лица предпенсионного возраста в качестве рабочей силы на предприятиях и в компаниях, а с другой стороны, молодежь уже ждет, когда освободятся рабочие места. Действительно, присутствует эта дилемма. Повышение пенсионного возраста в ряде стран, например, во Франции, сопровождалось демонстрациями, в том числе, и студенческими протестами, так как профессиональная и социальная динамика притормаживалась. Безусловно, здесь простых решений нет, и на бизнес я бы не стал всю ответственность перекладывать: при всем желании он эту проблему один решить не сможет. Очень важно создать условия для расширения бизнеса, особенно частного: инвестиционной активности, создания новых рабочих мест и т.д. Без этого, видимо, трудно будет решить поставленные задачи, конфликтующие между собой.

Так как мы уже перешли к экономике, я бы хотел предоставить слово Якову Моисе-

евичу Уринсону, профессору кафедры бизнес-аналитики и кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти, бывшему министру экономики и вице-премьеру.

Яков Моисеевич
Уринсон,

профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ:

Спасибо! Александр Николаевич в своем вступительном слове сказал о важности достижения высоких темпов роста нашей экономики, во всяком случае, таких, которые были бы достаточны для реализации таких непростых и ресурсоемких национальных проектов. Я в своем выступлении хотел бы обсудить текущую экономическую динамику, которой в последнее время уделяется не очень много внимания в комментариях руководителей наших экономических и финансовых ведомств.

Начну с констатации не очень приятного, но реального факта, что темпы прироста российской экономики в XXI веке устойчиво снижаются с 6% в 2001-2005 гг. до 1,5% в год с 2011 по 2018 гг., согласно данным Росстата. В целом же за последние 10 лет ВВП страны вырос на 8,5%, однако еще в начале 2000-х гг. он вырастал за год на 8%. Очевидно, на темпах роста экономики отрицательно сказались санкции, введенные США, ЕС, Австралией, Новой Зеландией и Канадой в 2014 году. Замедлению экономического роста способствовал и мировой финансовый кризис 2008-2010 гг., однако и в условиях кризиса развивающиеся страны, такие,

например, как Китай, взвинтили темпы до 10% в год.

Главные причины неблагоприятной динамики в российской экономике за последние 15-20 лет следует, очевидно, искать не во внешних факторах (хотя и они имели определенное значение), а в характере тех общественно-экономических отношений, которые в этот период сложились в нашей стране.

Именно они привели к тому, что (цитирую последнюю работу Игоря Николаева) «мы имели унижительно низкий экономический рост за последние 10 лет». К тому же впервые за последние десятилетия в 2018 году в России уменьшилась численность населения на 93,5 тыс. человек. Причем миграционный прирост не перекрыл естественную убыль населения. По официальным данным Росстата, в России 6-ой год подряд снижаются реальные доходы населения. Минэкономразвития инициировало пересмотр методики их определения. Их ежегодный прирост составлял менее 0,5% в год, что в пределах статистической погрешности. Неслучайно, что за эти 10 лет численность бедного населения в стране практически не сокращалась. В 2008 году людей с доходами ниже прожиточного минимума было 19 млн человек, а в 2018 году таких граждан насчитывалось 18,9 млн человек. Если сложившаяся в последние годы тенденцию не переломить, то у власти в ближайшее время могут возникнуть серьезные не только экономические, но и социально-политические проблемы.

В 2012 году Президент поставил задачу повысить долю инвестиций в основной капитал в ВВП к 2018 году до 27%. При учете состояния и возраста производственного аппарата страны, задача, очевидно, не только важная, но и очень актуальная. Но ее выполнение на сегодняшний день провалено.

По итогам 2018 года указанный показатель составил 20,6% против 22,3% в 2008 году. Таким образом, ситуация не улучшилась, а ухудшилась.

В упомянутых выше «майских» указах Президента 2012 года в качестве ключевой ставилась также задача повысить производительность труда к 2018 году примерно в 1,5 раза. В реальной жизни за последние 10 лет она выросла только она 13%. Такая неудовлетворительная динамика производительности в нашей экономике объясняется, прежде всего, тем, что в ней в последние годы резко выросла доля государственного сектора. Государство, как хорошо известно, отнюдь не самый эффективный собственник. По данным Федеральной антимонопольной службы, вклад государства и государственных компаний в ВВП России с 2005 по 2015 год вырос с 35% до 70%.

К тому же предпринимательская активность в стране тормозится высокими институциональными барьерами и другими аналогичными препятствиями, главные из них – незащищенность частной собственности и недобросовестная конкуренция. Зачастую административный ресурс заменяет инновации: подкупить чиновника и получить дешевые бюджетные средства проще и быстрее, чем искать инвестиции и осваивать нововведения.

При этом нельзя забывать, что Россия обладает весомыми конкурентными преимуществами на мировом рынке. У нас богатейшие природные ресурсы (черноземы, вода, лес, полезные ископаемые), мы занимаем 8-е место в мире по размерам внутреннего рынка. Страна, в том числе путем безжалостной эксплуатации и снижения уровня жизни ряда поколений в XX веке, накопила значительный интеллектуальный потенциал. Однако по размеру ВВП мы находимся лишь в восьмом десятке стран. По

обобщающему индексу развития человеческого потенциала Россия занимает, к сожалению, только 66-е место в мире.

Все это, на мой взгляд, убедительно свидетельствует о том, что сложившиеся в стране общественно-экономические отношения нуждаются в коренных преобразованиях. Думаю, в ближайшее время нам предстоит пройти развилки, сопоставимые по значимости с теми, которые мы проходили в XX веке. В 80-е гг. М. Горбачев отказался от империи и пошел по пути демократизации; в 90-е гг. Б. Ельцин разрушил командно-административную систему и начал рыночные реформы; в 2000-е В. Путин отказался от олигархического капитализма и построил бюрократическую вертикаль.

Сегодня мы, по существу, стоим перед серьезным выбором: постепенное движение по инерции или решительная модернизация. Я убежден, что инерционный сценарий ведет в тупик, необходима решительная модернизация всей социально-экономической системы. Рассматривая направления пути такой модернизации, следует учитывать наш не столь давний опыт экономико-политических преобразований. Реформы Косыгина второй половины 1960-х гг. предусматривали внедрение новых методов управления и расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, развитие материального стимулирования при сохранении господства государственной собственности на средства производства. В ходе «перестройки» Горбачева в 1985-1988 гг. была предпринята попытка превратить машиностроение в системообразующую отрасль всей экономики, намечалось усовершенствование управления системы народным хозяйством за счет ее децентрализации, более широкого применения методов экономического регулирования, улучшения ценообразования и ослабления бюджетных ограни-

чений, как для конкретных предприятий, так и для регионов. Все это считалось возможным осуществить без принципиальных изменений отношений собственности, без перехода к рыночным механизмам регулирования экономики. Если вспомнить более близкую к нам модернизацию Д. Медведева конца 2000-х – начала 2010-х гг., то она предполагала улучшение сложившихся в стране демократических институтов по образу и подобию парламентской демократии. Много говорилось о структурной перестройке экономики, прежде всего, за счет превращения высокотехнологичных отраслей в драйверы новой диверсифицированной российской экономики. Надо констатировать, что все эти попытки серьезных преобразований были и своевременными, и оправданными, их задачи и отдельные меры были вполне обоснованы. Однако также следует констатировать, что они не дали ожидаемых конечных результатов. Главная, на мой взгляд, причина кроется в том, что они не были подкреплены созданием адекватных политических условий.

Точно также реформы, которые сегодня назрели в нашей стране, требуют соответствующих политических преобразований. Общеизвестно, что экономическая конкуренция, которая служит катализатором научно-технического прогресса, не бывает без конкуренции политической, значит, нам следует обеспечить проведение реальных парламентских и местных выборов. Жизненно важно превратить парламент, так же как и выборные органы власти на местах, в дееспособный институт демократического общества. Необходимо добиться верховенства права и ввести общественный контроль, как за бюрократией, так и за бизнесом. Необходимо законодательно обеспечить защиту прав собственности и условий для справедливой конкуренции. Учитывая тер-

риторию нашей страны и многонациональный состав населения, одной из важнейших задач является децентрализация государственной власти, создание законодательных гарантий и финансовых условий для усиления местного самоуправления. Стоит вспомнить, что наиболее успешно российская экономика развивалась в период зарождения и развития земств, когда на местах решались такие вопросы, которые в центре решить в принципе невозможно.

Все эти принципиальные изменения в жизни российского общества возможны только в условиях многопартийности. Чтобы перейти от государственного патернализма, который у нас процветает, к социальному партнерству, стоит подготовить, обсудить и принять некоторый общественный договор, например, типа Пакта Монклоа, который испанцы приняли в 1977 году, причем вокруг него объединились абсолютно все политические силы Испании. Политические преобразования сделают возможными модернизацию нашей экономики и ее устойчивый рост. Спасибо!

Шохин А.Н.:

Ссылаться на чужие примеры можно, но осторожно. Я бы хотел предоставить слово профессору Игорю Вдовину, который наверняка будет говорить о механизме поддержки инфраструктурных инвестиционных проектов.

Игорь Александрович Вдовин,

профессор кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ,

Председатель Совета директоров НАПИ:

Пока выступал профессор Уринсон, нам с профессором Котелевской пришла в голову такая идея: нужно распустить Росстат. Во-вторых, мы придумали название нового закона (после конференции в кулуарах предлагаю его обсудить), который называется «О неуважении к бизнесу».

25,7 трлн рублей – это сумма национальных проектов. Хочу обратить Ваше внимание на долю внебюджетных источников, которая составляет 7,5 трлн рублей. Где их взять – об этом во многих высоких кабинетах голову ломают. Собственно, я буду говорить о механизмах привлечения источников финансирования проектов, в том числе, и национальных проектов, на традиционную тему, исследованием которой я занимаюсь на кафедре.

Кроме традиционных механизмов, например, гарантий, концессий, кредитов и налоговых льгот, которые работают неплохо, не доведены до ума проекты, связанные с созданием инфраструктурных фондов. А это отличная идея, которая не реализовалась пока, и непонятно, как она будет реализовываться дальше. К сожалению, не реализована тема с инфраструктурной ипотекой.

Зато есть 3 механизма, о которых мы очень много спорили в рабочих органах РСПП. Первый – СПИК, который более или менее работает, однако нет предела улучшениям: 28 марта внесен пакет законопроектов «СПИК 2.0». Мы ожидаем, что изменения коснутся сроков СПИКа и ориентированы будут в первую очередь на технологии, которые пока еще не представлены в России. Посмотрим, как это будет работать. Я участвовал в работе комиссии по специальным инвестиционным контрактам на протяжении последних двух лет. Мне кажется, что эта практика себя оправдала, а кто будет работать в рамках новых реалий – посмотрим,

обменяемся мнениями в ближайшее время, наверное.

Вторая новация – это соглашение о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), инициатором которого выступал Минфин. Первоначально он конкурировал со СПИКом: Минфин выступал за СЗПК, Минпромторг – за СПИК. Существует также КППК – корпоративные программы по повышению конкурентоспособности – не надо их путать. Что касается СЗПК, то пакет законопроектов также внесен в Госдуму. Речь идет о замене всех законов об инвестициях, которые принимались с 1990-х годов. Инструмент СЗПК позволяет индивидуально пройти каждому проекту рассмотрение на все меры господдержки и при этом сохранить неизменность всех условий, при которых инвестор входит в контракт.

Что касается корпоративных программ повышения конкурентоспособности, то агентом Правительством назначен Российский экспортный центр. В первую очередь, речь идет о снижении кредитной ставки и мерах поддержки компаний, которые ориентированы на экспорт. Мы не понимаем, как это все будет работать, но будем очень внимательно мониторить. Тем не менее, новации осуществились.

Касательно Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, Аналитическим центром при Правительстве РФ была придумана и разработана методика рейтингования проектов, так как на кону немалая сумма – 6,3 трлн. рублей. Конечно, здесь не обойдется без лоббизма. Я думаю, что мы соберемся с силами и будем исповедовать лоббизм исключительно цивилизованный, будем продвигать те проекты, которые принесут максимальный эффект в первую очередь для ликвидации узких мест в транспортной инфраструктуре.

Проект, судьба которого будет решена в ближайшее время, называется высокоскоростные магистрали (ВСМ). На мой взгляд, это одно из самых лучших начинаний, которое максимально проработано на сегодня и действительно может дать очень большой темп роста, по разным оценкам, от 2% в год. Сторонников много, противник всего один – Минфин. Надеюсь, и они передумают.

Шохин А.Н.:

По поводу высокоскоростной магистрали «Москва-Казань», которую злые языки называют «Железнодорожный-Гороховец», меня больше всего удивляет не само обоснование этого проекта (тем более 20 млрд. уже потратили, и о них можно забыть), а то, что Правительство уже несколько лет не знает, куда вложиться: в высокоскоростную пассажирскую магистраль, в региональные аэропорты и малую авиацию, в автомобильные дороги по тому же маршруту Москва-Казань и так далее. Говорят, споры должны закончиться завтра, то есть завтра Президент на встрече с членами Правительства должен принять окончательное решение, если этот вопрос будет в повестке дня.

Наш следующий блок вопросов касается цифровой экономики. Начнем с Сергея Сергеевича Мытенкова. Затем выступят Мария Владимировна Юргелас и Марат Фаатович Баширов.

Сергей Сергеевич
Мытенков,

*Вице-президент РСПП
по цифровому разви-
тию и информацион-
ным технологиям,*

*член Редколлегии
журнала «Бизнес. Об-
щество. Власть»:*

Я буквально пройдуся по своим тезисам. На «Цифровую экономику» выделено 1,6 трлн. рублей. В качестве плюсов можно отметить то, что значительная сумма выделена для переподготовки кадров. Минусы – слишком мало средств (30 млрд рублей) выделено на информационную безопасность. при том, что риски по информационной безопасности выходят на первое место. Касательно того, что уже сделано, то доля широкополосного доступа домохозяйств к сети «Интернет» предполагает существенный рост. Хочу обратить ваше внимание на долю подключения социально значимых объектов, она очень низка и составляет всего 30,3%. Планируется к 2024 году довести ее до 100%. Продолжая говорить о минусах, необходимо упомянуть и о низкой доле оказания услуг по хранению данных Российской Федерацией в мировом объеме – всего 0,9%, – очень маленькая сумма. Планируется, что она будет увеличена за счет внебюджетных источников, будет привлекаться бизнес, создаваться центры обработки и хранения данных, так называемые ЦОДы.

Еще одна проблема – это строительство сетей 5G: на данный момент пока построен лишь кусок 5G в Сколково, и к 2021 году появятся 10 сегментов сети. Частоты связи под 5G пока не выделены и не распределены. Есть обещание, что их заберут у Минобороны и систематизируют, что послужит существенным толчком для роста потребления этой услуги.

Что касается информационной безопасности, то хочу обратить ваше внимание на огромное количество часов простоя государственных информационных систем, а это колоссальный ущерб. Вы наверняка знаете, что недавно был обрушен Росреестр: программа не работала несколько дней. В связи с этим вопрос информационной безопасности встает на первое место. Даже на сайт

РСПП, который не является государственной информационной системой, в моменты пиковой нагрузки, например, в дни проведения Недели российского бизнеса, мы получаем порядка 5 тыс. DDoS-атак в неделю.

В РСПП цифровой экономикой занимаются 3 структурных подразделения: Комитет по цифровой экономике (председатель М.Э. Осеевский), Комиссия по связи и информационно-коммуникационным технологиям (председатель А.Р. Кузьяев) и Центр цифровой трансформации (руководитель В.О. Потанин). В прошлом году РСПП добился внесения поправок в «закон Яровой», значительно облегчающих нагрузку на бизнес. В частности, были сокращены сроки хранения данных, а также изменен формат их хранения. С этого года действует закон о критической инфраструктуре. РСПП также повлияло на изменение этого закона: был убран уголовный срок, который прежде составлял до 6 лет для генеральных директоров, разрешено привлечение компаний на аутсорсинг для построения информационной защиты при смещении ответственности с генерального директора в сторону подрядных организаций.

Сейчас, как вы знаете, принимается закон о Рунете. Буквально сегодня Александром Николаевичем было подписано письмо с официальной позицией РСПП по данному вопросу. Порядка 70% поправок, которые предлагал РСПП, учтены. Во-первых, нет смысла создавать национальный сегмент, так как доменные имена у нас есть, и они работают. Во-вторых, централизованную систему управления ЦОДами предлагается оставить распределенной, так она безопаснее. В-третьих, мы считаем, что необходимо уделять больше внимания вопросам информационной безопасности.

Шохин А.Н.:

Спасибо большое, Сергей Сергеевич! Мария Владимировна, я так понимаю, что Вы будете говорить об особенностях подготовки кадров для цифровой экономики.

Мария Владимировна Юргелас,

доцент кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ,

Заместитель директора Национального агентства развития квалификаций:

Спасибо, Александр Николаевич! Да, я бы хотела продолжить тему проекта «Цифровая экономика». Одним из 5-ти ее направлений является кадровое образование, которое подразумевает сопряжение сферы труда и сферы образования. В своем выступлении мне бы хотелось сделать акцент именно на трудовой сфере, на вопросах, связанных с цифровыми компетенциями, и на участии работодателей в определении цифровых компетенций и включении их в профессиональные стандарты.

По данному направлению создано несколько экспертных рабочих групп на уровне министерств, которые в качестве участников задействованы в процессе АНО «Цифровая экономика». В работе одной из групп по разработке моделей компетенций цифровой экономики принимает участие и Национальное агентство развития квалификаций.

Первоначально разработку базовой модели компетенций цифровой экономики планировалось завершить в декабре 2018 года, но сроки были перенесены в связи с тем, что группа экспертов никак не может прийти

к единому мнению о том, что же является базовой моделью компетенций цифровой экономики. По последним материалам, которые были представлены, это сравнение корпоративных практик по так называемым soft skills (общим компетенциям), в которые, помимо прочего, входят и digital-компетенции. Оказалось, что 70% - это коммуникационные компетенции: быть лидером, уметь работать в команде, решать проблемы. В связи с этим возникает вопрос: до акцента на цифровую экономику эти компетенции были важны или нет? Если цифровая экономика делает больший упор на эти компетенции, то возникает вопрос оценки, так как разработка оценочных средств именно по коммуникационным soft skills - это очень дорогостоящий инструмент. Кроме того, достоверность этой оценки, к сожалению, очень низка. Следовательно, готовы ли работодатели за это платить? Надеюсь, в этом году модель все-таки будет создана и утверждена.

Недавно Национальное агентство развития квалификаций совместно с 21 советом по профессиональным квалификациям провело мониторинг жизненного цикла квалификаций. Более 500 предприятий из различных отраслей приняли участие в анкетировании относительно востребованности квалификаций, выражения новизны квалификаций или отдельных компетенций в рамках профстандартов, каким образом различные предприятия в различных отраслях удовлетворяют дефицит квалифицированных кадров, в том числе в soft и digital skills. Пилотный проект завершился, есть результаты. Совместно с ВЦИОМом в нескольких регионах будет проведен сплошной мониторинг по выявлению востребованности, новизны квалификаций и дефицита кадров.

Хотелось бы также обратить внимание на некоторые аспекты. Есть 3 основных по-

нения. Во-первых, «цифровая грамотность», которая говорит о цифровых компетенциях населения. Здесь совет по профессиональным квалификациям в области безопасности труда, социальной защиты и занятости населения осенью прошлого года принял стандарт «Цифровой куратор», основной функцией которого является возможность консультирования и обучения навыкам цифровизации широких слоев населения, возможность вовлекать молодежь, в том числе, школьников 10-11 классов и лиц пенсионного возраста в процессы цифровизации.

Во-вторых, когда мы говорим о цифровой экономике, мы говорим о профессионалах. Существует Совет в области информационных технологий, есть уже 27 профессиональных стандартов, связанных с информационно-коммуникационными технологиями. Они постоянно актуализируются, так как технологические требования быстро изменяются.

Третий пласт самый большой и заключается в том, что в текущие профстандарты, которых уже более 1200, постоянно вносятся требования к умениям и навыкам, которые связаны с цифровыми компетенциями. Даже в такой рабочей специальности как контролер сверхчных работ необходим огромный пул дополнительных навыков, связанных как непосредственно с самим оборудованием, так и с организацией работ, связанных с цифровыми технологиями. Конечно, вопросы кадрового обеспечения – это очень сложные вопросы, тем не менее, работодатели совместно с государством активно работают над ними, несмотря на трудности. Спасибо!

Шохин А.Н.:

Я хотел бы предоставить слово Марату Фаатовичу Баширову, генеральному директору Центра изучения проблем междуна-

родных санкционных режимов. У него очень интересное название выступления «О цифровизация государственного управления, прямой демократии и аппаратных развилках системы «человек-машина».

Марат Фаатович Баширов,

*Генеральный директор
Центра изучения проблем
международных санкционных режимов,
член Редсовета журнала
«Бизнес. Общество.
Власть»:*

Спасибо большое, Александр Николаевич, за возможность выступить. Все, что касается цифровизации и нацпроектов – это возможность оптимизировать процессы и сэкономить деньги, поэтому в настоящее время отмечаются 2 тренда, связанных с цифровизацией: цифровизация предпринимательской среды и цифровизация государственного управления. Эти процессы идут параллельно и во много схожи в том, что находятся сейчас в цифровизации неких механических итераций. Например, отдел кадров автоматически может выдавать необходимые для сотрудников справки. Совершенно точно, то следующая фаза – это цифровизация управленческих решений и верификация этих результатов, которые дадут тот самый огромный эффект, на который рассчитывают люди, внедряющие цифровизацию, в частности, в госуправление, а для бизнеса – это вечная «святая» цель.

Относительно развилки для бизнеса, нам точно понадобится законодательство, которое касается корпоративной деятельности и корпоративного права, особенно когда цифровая операция будет верифицировать некое решение, связанное с владением или какими-то операциями по перемещению то-

варов или фиксацией сделок. Следовательно, точно потребуются пересмотр закона о персональных данных. Как вы знаете, все, что касается big data, уже опосредованно описывает пользователя. Соответственно развилки для законодательства будут связаны с госуправлением и регулированием, так как государство имеет право верификации статусов (пенсионер, домохозяйка и т.д.). Следовательно, ставится вопрос о том, где будет грань в принятии решений между человеком и машиной. Как вы знаете, человек нелогичен. В 2002 году была дана Нобелевская премия за исследование, показавшее, насколько нелогичен человек в своих решениях.

Еще одна развилка – это создание профайлов. Скоро у нас всех не только будет личный кабинет на сайте мэра Москвы, но и появится просто личный кабинет гражданина, где будет отображена масса статусов. Статус, который на сегодняшний день часто используется в Китае для подтверждения кредитоспособности человека, прогнозирования того, сколько он будет жить и можно ли ему что-то выделять с точки зрения государственных решений. Эти характеристики профайла будут очень важны. Перед нами встанет необходимость понять, что мы отдаем на откуп машине, а цифровизация – это в первую очередь передача прав решать управленческие вопросы машине.

Вдовин И.А.:

Коллеги, не могли бы Вы подсказать, какова сегодня доля цифровой экономики в российской экономике по сравнению с ведущими экономиками?

Юргелас М.В.:

По данным Регионального общественного центра информационных техно-

логий, 2,8% от ВВП составляют интернет-рынки и 19% от ВВП – зависимые рынки.

Шохин А.Н.:

Неплохо было бы сопоставить эти цифры с чем-нибудь. Я хотел бы дать слово Ирине Васильевне Котелевской, которая расскажет о роли регуляторных реформ в реализации нацпроектов.

Ирина Васильевна Котелевская,

доцент кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ,

директор Центра мониторинга законодательства и правоприменительной практики РСПП:

Спасибо, я буду говорить кратко. Грусть навеивает имитационный характер того, что делается с регуляторной политикой. Сами по себе идеи реформы контрольно-надзорной деятельности (КНД), обязательных требований проходят в атмосфере, когда сказана масса слов, все они верны, справедливы и достаточно точны, если иметь в виду правовую и регуляторную абстракцию. Как только дело доходит до практических вещей, гражданину довольно тяжело разобратся, где заканчиваются требования СанПиНов, и начинаются требования технических регламентов, как будет устроено регулирование в условиях ЕАЭС (несмотря на то, что Договор о евразийском экономическом сообществе вроде бы на эти вопросы ответил), где кончается роль правовых норм. Ведь в теории права юристам ясно, что они регулируют отношения общественные, но никак не устанавливают технические требо-

вания и параметры, это совершенно другая регуляторика.

Путаница, в которой мы сейчас находимся – и в понятиях, и в процессах, и в формах воздействия на эти процессы – очень затрудняет оценку того, что сейчас происходит. Мы видим, что утверждено более 200 опросных листов в рамках реформы КНД, каждый лист содержит до 2 тыс. требований, что подталкивает инспекторов к тому, чтобы проверять их все. Таковы результаты реформы, которая ведется уже 3 года. Презентация, подготовленная к очередному совещанию в Правительстве, приводит меня к мысли, что есть единство в понятии очень общих вещей. Действительно нужно урегулировать и существо требований, и процессуальные моменты КНД.

РСПП и другие бизнес-союзы сделали очень многое для того, чтобы пересмотреть отраслевые требования, высказывали свои предложения. В 2016 году мы то же самое проделывали с главами КоАП: было создано порядка 19 рабочих групп, все они были отработаны в течение полугода, однако воз и ныне там. Все эти вещи очень связаны: условия регулирования, возможность избавиться от избыточных и дублирующих норм, все упорядочить. Тем не менее, закон о нормативных правовых актах за это время с места не сдвинулся: за те 30 лет, что мы с Александром Николаевичем наблюдаем за процессом, продвижение не произошло.

Несмотря на это, я думаю, что в этом процессе бизнес является главной движущей силой, и надеюсь, что даже новая редакция КоАП не приведет к усилению репрессивности. Хотя, читая концепцию, я вижу, что штрафы растут до 100 раз в отношении некоторых субъектов, опять присутствует иммунитет для унитарных предприятий, государственных органов, органов местного самоуправления. Тем не менее, нам понятны

цели, и мы надеемся, что мы их достигнем, так как Правительство действительно настроено очень решительно. При этом на новом этапе реформы воздействие бизнеса будет воспринято позитивно и принесет хорошие результаты.

Шохин А.Н.:

Спасибо, кстати сегодня, когда мы ходили с К.А. Чуйченко на сессию по надзору и контролю, он высказал довольно революционную идею взять новый СанПиН по ресторанам и общепиту и попробовать изложить на 1 странице все, что там написано, перейдя от процессных требований к результативным, в частности действия по принципу «все, что не запрещено законом, разрешено». Речь идет о том, чтобы уйти от попыток все описывать: каким должно быть здание, какой должна быть кухня и т.д.

У нас еще есть нацпроекты, в частности, традиционный проект поддержки малого и среднего бизнеса. Я бы хотел предоставить слово представителю «ОПОРЫ РОССИИ» Ивану Николаевичу Ефременкову.

Иван Николаевич
Ефременков,

Заместитель исполнительного директора по правовым вопросам, Руководитель Центра экспертизы и аналитики «ОПОРЫ РОССИИ»:

Спасибо большое! В первую очередь я хотел бы сказать, что тема малого и среднего бизнеса впервые после издания «майского» указа Президента попала в формат национальных проектов. В 2012 г. при разработке предыдущих «майских» указов про малый бизнес ничего не было сказано, лишь в предвыборной статье Президента было обо-

значено, каким он видит малый и средний бизнес. Соответственно никакие задачи не были поставлены. Сейчас же задачи поставлены были. Они, на мой взгляд, в большей степени соответствуют теме круглого стола, потому что в них фактически отображено то, что бизнес должен делать и к какому результату должен прийти к 2024 году. Согласно основному результату, зафиксированному в указе, малый бизнес должен дополнительно набрать 6 млн сотрудников, то есть занятость в малом бизнесе должна составить 25 млн человек. Также малый бизнес должен на 10% увеличить свою долю в ВВП и до 10% иметь долю в экспорте. Поставленные задачи довольно амбициозные, они являются большим вызовом для федеральных и региональных властей, для бизнеса и бизнес-объединений.

Национальный проект был условно разложен на 5 составляющих: улучшение условий ведения предпринимательской деятельности, расширение доступа к финансам, акселерация бизнеса, сельскохозяйственная кооперация и популяризация. Соответственно по каждому направлению основные показатели были трансформированы. Например, по мнению разработчиков, повышение занятости в большей степени должно возникнуть за счет улучшения условий предпринимательской деятельности. Здесь сразу возникают вопросы, о которых говорила в предыдущем выступлении И.В. Котелевская, что, помимо тех мероприятий, которые предусмотрены в национальном проекте, параллельно реализуются и другие, направленные не на улучшение условий ведения предпринимательской деятельности, а на противоположные цели. Разработчики, как правило, не оценивают, как та или иная инициатива повлияет на реализацию нацпроектов. В качестве примера можно привести последние инициативы, связанные

с запретом применения специальных налоговых режимов для малого бизнеса, торгового товара, подлежащим маркировке. Таким образом, реализация того, что заложено в нацпроекте, возможно, даст увеличение занятости, доли в ВВП, однако вместе с тем из бизнеса уйдет часть предприятий, которые прежде действовали благодаря решениям государства, направленным не на реализацию национальных проектов.

В нацпроекте предусмотрено значительное финансирование: за 6 лет всего на его реализацию планируется выделить порядка 450 млрд рублей. Это не так много по сравнению с другими нацпроектами, но ни разу прежде на поддержку малого бизнеса такие средства не выделялись. Стоит обратить внимание, что часть средств пойдет не непосредственно предпринимателям, а будет потрачена на создание инфраструктуры, например, на сохранение центров «Мой бизнес».

«ОПОРА РОССИИ» также принимает участие в реализации нацпроекта, в частности, мы ставим перед собой задачи по информированию об основных мероприятиях проекта. Для этого несколько недель назад мы проводили общероссийское обсуждение проекта при участии предпринимателей со всех регионов, представителей органов власти. Обсудили, как можно в нем принять участие. Также важно осуществлять общественный контроль, чтобы избежать ситуации, когда нацпроект реализован, а в реальности результаты по занятости и условиям ведения предпринимательской деятельности не достигнуты.

Шохин А.Н.:

Хотел бы дать слово Алле Евгеньевне Чириковой¹.

**Алла Евгеньевна
Чирикова,**

*главный научный сотрудник Института социологии РАН,
член Редсовета журнала «Бизнес. Общество. Власть»:*

Я бы хотела поучаствовать в этом круглом столе как эмпирик, который уже много лет исследует бизнес-элиту и власть на разных ее уровнях. В свое время я изучала национальные проекты, которые реализовывал Д.А. Медведев. Когда мы рассуждаем о бизнесе и его участии в национальных проектах, мы очень сильно идеализируем ситуацию. Бизнес никогда не будет действовать в ущерб своим интересам, поэтому все национальные проекты, в которых должен участвовать бизнес, должны быть выкуплены государством за счет различных преференций или за счет дополнительных ресурсов. Ожидать, что моральный призыв будет услышан, я бы не стала. Экономическая ситуация ухудшается, ресурсов становится все меньше, а это означает, что мотивация участников должна каким-то образом поддерживаться. Большой иллюзией является тезис, что только за счет финансовых ресурсов можно взаимодействовать с бизнесом. Правильно было сказано, что бизнесу нужно уважение, понимание, быстрая реакция и правила игры. Если эти условия не будут

реализованы, то участие бизнеса будет носить демонстративный характер. Чтобы этого не произошло, должна быть проделана специальная работа по настройке основных акторов - бизнеса и власти - для совместной работы. Пока интеграция между первым и вторым акторами носит весьма сложный, порой непонятный, а иногда и теневой характер. В этих условиях мы будем иметь показатели, отражающие нужные тенденции, но не отражающие реальность.

Шохин А.Н.:

Спасибо, Алла Евгеньевна! На самом деле никто не считал, что бизнес по доброте душевной ввяжется в национальные проекты, поскольку это противоречило бы Гражданскому кодексу, в котором закреплено, что предпринимательская деятельность - это деятельность с целью извлечения прибыли на свой страх и риск. Риски есть, но хочется при реализации национальных проектов и какую-то прибыль извлечь.

Кстати, вы помните, что в начале июля - конце августа прошлого года появилось предложение привлечь бизнес к реализации национальных проектов по принципу «делиться надо». Трансформировалась эта идея достаточно быстро: в результате диалога с Администрацией Президента и Правительством была создана специальная рабочая группа по отбору проектов и созданию механизмов стимулирования бизнеса к реализации проектов. Если проекты «не бьются» по минимальной доходности и приемлемым рискам, то бизнес в них участвовать не будет. Есть, конечно, механизм принуждения, но пока считается, что это не наш путь. Будем надеяться, что не принуждение, а привлечение на взаимоприемлемых условиях останется базовым принципом взаимодействия бизнеса и власти.

¹ Развернутые тезисы выступления В.Б. Сенина, заместителя председателя Правления АО «Альфа-Банк», Президента Ассоциации менеджеров России представлены в данном номере отдельно (с. 139-146).

В последней версии тех законов, которые упоминал И.А. Вдовин (закон об инвестиционной деятельности и о СЗПК), по инициативе одного из ключевых членов Правительства появилась статья о том, что все нормы, ухудшающие положение бизнеса, вводятся с отсрочкой в 2 года. Но мы считаем, что необходимо дифференцировать сроки вплоть до 5 лет. Данное правило отсрочки введения в действие норм уже действует в ряде стран, оно не является чисто российской новеллой. По налогам Правительство пока сопротивляется, в первую очередь сопротивляется Минфин. Вроде пока удалось «сторговать» полгода: прежде налоговые законы могли приниматься за месяц до начала финансового года, а теперь они должны приниматься в весеннюю сессию за полгода.

Почему были подписаны специальные законы о СЗПИ, почему прямой нормой закона не гарантируется стабильность ведения бизнеса как минимум инвесторам, которые рискнули своими деньгами на одних условиях, которые потом могут измениться? Решили, что под нормой закона с государством судиться трудно, в то время как по соглашению можно чего-то добиться. Правда, не всякий предприниматель решится судиться с государством, у государства есть и другие механизмы доказать свою правоту в споре.

Действительно, инструменты такого договора нужны, однако одно дело – говорить о пакте Монклоа в новом издании, как предлагает Яков Моисеевич, другое дело – по частям выстраивать данный пакт по различным направлениям. Пока мы идем по другому пути: выстраиваем через отдельные законы механизмы взаимного доверия государства и бизнеса.

Кто из коллег хотел бы еще выступить или подвести итог сегодняшней встречи?

**Валерий Георгиевич
Ледяев,**

*ведущий научный сотрудник
НУЛ исследований в области
бизнес-коммуникаций
НИУ ВШЭ,*

*член Редколлегии
журнала «Бизнес. Об-
щество. Власть»:*

Давайте, я скажу буквально два слова в продолжение выступления А.Е. Чириковой. Мы с ней проводили исследования в разных городах. Какое это имеет отношение к национальным проектам? Дело в том, что проекты важны, но они разрабатываются в Москве, а реализуются в регионах. Чтобы понимать, как и что необходимо сделать, нужно понимать расклад властных ресурсов и конфигурацию акторов, которые в этом будут участвовать. Я не буду рассказывать о результатах исследования, а выделю только два важных момента. Во-первых, оказалось, что в городах, которые мы изучали, структура власти довольно разная, и отношения с бизнесом, соответственно, тоже довольно разные, несмотря на все попытки централизации. Во-вторых, отношение властей с бизнесом не оптимально ни в одном из городов, везде присутствуют серьезные изъяны. Я это говорю к тому, что нужно знать, почему в разных городах, в разных регионах эти вещи по-разному проявляются, что нужно сделать в плане кадровых моментов, потому что очень многие различия обусловлены именно персональным фактором. Последнее, нужно понимать, что никакие национальные проекты без учета этих аспектов эффективными не будут.

Шохин А.Н.:

Спасибо! Хотел бы передать слово Валентине Николаевне.

**Валентина Николаевна
Кириллина,**

***Директор Института
коммуникационного
менеджмента, Заведу-
ющая НУЛ исследова-
ний в области бизнес-
коммуникаций НИУ
ВШЭ:***

Я очень коротко хотела бы сказать, что на первом пленарном заседании декан экономического факультета МГУ Александр Аузан привел следующую статистику: по уровню начальной школы России входит в пятерку стран, а вот на последующих стадиях обучения, вплоть до вузов Россия, резко снижается к сотне. Такие люди приходят в бизнес, в государственные органы власти. Сегодня в части развития дополнительного образования, которое позволяет какие-то пробелы исправлять, мне кажется, само слово «дополнительное» влияет на то, что эта систем практически не имеет никакого отношения к бизнесу, но имеет к конкретным людям. К сожалению, участие бизнеса, особенно малого и среднего, не превышает статистической погрешности. Люди платят сами за себя. Сами получают знания, сами ищут работу.

Недавно мы посетили Татарстан по приглашению Президента Рустама Нургалиевича Минниханова, и нас попросили поработать с главами муниципальных образований по подготовке проектов по развитию малого МСП в муниципальных образованиях. К сожалению, роли «ОПОРЫ России» при формировании предпринимательского климата, уважения к бизнесу мы там не заметили. Все национальные проекты пронизывает одна мысль: должны быть соответствующие профессионалы, подготовленные кадры. Для этой проблемы и со стороны бизнеса, и со стороны власти должно быть найдено системное решение, поэтому мы должны уделить ей отдельное внимание.

Шохин А.Н.:

Когда мы объявляли тему круглого стола, было понятно, что мы охватим достаточно широкий круг вопросов, потому что национальных проектов 12+1, а также реформа КНД, регуляторика. Тем не менее, мне кажется, что сегодня мы достаточно содержательно обсудили целый ряд проблем, которые являются основой для дальнейших наших встреч, в том числе, и в рамках общепредметного факультатива, проводимого кафедрой. На этом предлагаю завершить наш круглый стол, спасибо всем!

ROUND TABLE “THE ROLE OF BUSINESS COMMUNITY IN THE EXECUTION OF NATIONAL PROJECTS IN RUSSIA”

April 10, 2019

20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow

This material presents the transcription of the round table “The role of business in the implementation of national projects of Russia”, organized by HSE Department of Theory and Practice of Business-Government Interaction within the framework of the XX April International Academic Conference on Economic and Social Development. During the discussion, leading Russian experts from various fields discussed the challenges faced by state, the conditions for business participation in national projects and the factors for their successful implementation by 2024.

Key words:

National projects, digital economy, SMEs, investments, support mechanisms, agreement on the protection and promotion of investments, regulatory oversight reform, regulatory policy, business and government interaction, April conference.